

М. В. Немытина¹**МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ,
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ**

Одним из основных противоречий современного мира является противоречие, обусловленное необходимостью для стран быть вовлеченными в происходящие в современном мире интеграционные процессы, с одной стороны, и их потребностью в самоидентификации на основе национальных особенностей и культур — с другой.

В современных обществах сильно осознание уникальности собственного исторического пути, необходимости учитывать свой правовой опыт и традиции как основу развития. Собственный исторический и культурный контекст имеет для стран и народов ничуть не меньшее значение, нежели восприятие систем и институтов, функционирующих в настоящий период на межгосударственном уровне или в других более развитых в экономическом, социальном и правовом отношении странах.

Можно констатировать противоречие между существующими в российском обществе особенностями восприятия западных моделей и ценностей и реальными потребностями их в адаптации в условиях современной правовой реальности.

Так, по данным репрезентативных опросов населения России, проведенных осенью 2007 года в рамках работы научно-исследовательской лаборатории исследования гражданского общества Центра фунда-

ментальных исследований Государственного университета — Высшей школы экономики, со следованием образцам западного общества связывают гражданское общество в России лишь 5 % опрошенных². Это означает, что для российских граждан на сегодняшний день предпочтительнее следовать отечественным образцам и традициям, нежели воспринимать западные правовые ценности.

Между тем без использования правового опыта стран, достигших более высокого уровня развития, без имплементации международно-правовых норм и моделей правового регулирования нельзя обеспечить поступательное движение в различных сферах жизни российского общества, утвердить в реальной жизни, а не только на формально-юридическом уровне, более высокие стандарты в области защиты прав человека. В связи с этим все большее значение приобретают сравнительно-правовые исследования.

Если остановиться на методологических основах сравнительного правоведения, то деятельность в области компаративистики проистекает в четырех ракурсах. *Первый* связан с освоением чужого опыта, принципов и институтов современного зарубежного права (сравнения «по горизонтали»). *Второй* — с рецепцией зарубежного права в историческом ракурсе (сравнения «по диагонали»). *Третий* — с осмыслением традиций отечественного права, пониманием его истоков, анализом накопленного исторического пра-

¹ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Суд в России, вторая половина XIX — начало XX в.», «Право России как интеграционное пространство», «Российский суд присяжных», «Квалификация и расследование преступлений в сфере экономики» и др.

² Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М., 2007. (Сер. Мониторинг гражданского общества. Вып. 1).

вового опыта (сравнения «по вертикали вниз»). Наконец, *четвертый* — с уяснением возможностей интеграции в международное правовое пространство. Учтявая, что международное право можно рассматривать не иначе как согласованный правовой опыт различных стран, во многом опережающий национальное правовое регулирование, в последнем случае речь идет о сравнениях «по вертикали вверх».

Первый вариант компаративистской деятельности ярко иллюстрирует отраслевая юридическая наука, когда законотворческий процесс в России активно шел и продолжает идти (может быть, на сегодняшний день уже не столь активно) на основе использования законодательства зарубежных государств. Применительно к разным сферам правового регулирования переводятся и используются для конструирования российского законодательства тексты зарубежных законов. Причем не ясно, почему в одном случае берется за основу опыт США, в другом заимствуется правовая конструкция Франции, в третьем, например, Швеции. Чем обусловлены предпочтения, оказанные той или иной стране в смысле заимствования ее правового опыта, влияют ли на этот выбор субъективные или объективные обстоятельства, в большинстве случаев остается «за кадром». Замечу, что в современном мире, где не утихает борьба за геополитическое влияние, заимствование чужого опыта правового регулирования может оказаться не таким уж безобидным.

Еще один недостаток таких заимствований состоит в том, что речь идет о переносе в пространстве юридических институтов, освоенных в нашем правоведении в большинстве случаев лишь на уровне нормативной регламентации, в лучшем случае — на уровне правовых доктрин. До освоения практики правоприменения дело, как правило, не доходит.

Вторая модель, предполагающая использование зарубежного опыта в историческом ракурсе, тоже не лишена недостатков. Тут уместно вспомнить о возродившемся в 1990-е годы в России делении права на частное и публичное, дуализме правовых систем, истоки которых лежат еще. Воссоздание форм и методов частноправового регулирования в качестве основополагающих начал современного гражданского права и смежных с ним отраслей стало их огромным достижением.

Однако в то время как в современном мире в основе всех существующих отношений лежат интеграционные связи, мы, руководствуясь идеей дуализма в праве, попытались строить правовую систему России, проводя жесткие границы между частным и публичным, строго «привязывая» общественные отношения к тому или иному типу правового регулирования. И получается, что апеллируя к зарубежному правовому опыту, мы не отслеживаем эволюцию правовых конструкций с момента возникновения до сегодняшнего дня. Мы грешим тем, что «выхватываем» понравившиеся нам правовые конструкции из разных исторических контекстов. Тем самым, апеллируя к историческому опыту, мы отстаем от господствующих в мире тенденций правового развития.

Третий вариант компаративистского поведения предполагает изучение собственного правового

опыта, привнесение в современное российское право правовых институтов, существовавших в отечественном прошлом, о чем уже шла речь выше. Так, в 1990-е годы стало крайне актуальным обращение к забытым и полузабытым государственно-правовым институтам, дореволюционному опыту конституционализма, парламентаризма, местного самоуправления, правосудия и т. д. Казалось бы, с реконструкцией собственного правового опыта и традиций все должно быть много проще, нежели с восприятием зарубежного. Но здесь возникают те же проблемы. Оценивая существовавшие в прошлом институты отечественного права, мы не всегда правильно идентифицируем социально-экономический и политический контекст, в котором они прежде существовали, не соотносим его с современной действительностью. Мы изучаем институты, имевшие место в отечественном прошлом поверхностно, на уровне нормативных конструкций, а не в реальной реализации.

Наконец, *в четвертом случае* речь идет об оценке возможностей интеграции в национальную правовую систему норм международного права, действующих на межгосударственном уровне правовых стандартов, механизмов международно-правового регулирования. Международно-правовые нормы интегрируются в российское право, прежде всего, в части защиты прав человека. Если обратиться к теме «Стандарты Совета Европы в области прав человека», то и тут основная проблема видится в недооценке специфики стран, которым эти стандарты должны быть адресованы, учета особенностей их культуры, этнических и конфессиональных факторов.

Таким образом, неотъемлемым компонентом сравнительно-правовых исследований становится адекватная оценка социокультурных контекстов.

Привносимые в современное российское право правовые конструкции сами по себе нуждаются в серьезном изучении (на уровне доктрины, догмы и практики применения). Не менее актуальна и оценка социально-экономических, политических и культурных предпосылок их адаптации в российских условиях.

Представляется, что заимствования в праве, впрочем, как и в иных областях жизнедеятельности общества, становятся возможными только при наличии *механизма адаптации чужого опыта (зарубежного или международного) в условиях данной страны*, в рамках которого необходимо выделить несколько стадий:

1) изучение предполагаемой к интеграции, привносимой из-за рубежа или из международного права конструкции на доктринальном, догматическом и практическом уровнях;

2) оценка экономических, политических и социальных условий в стране адаптации; выявление соответствия привносимой правовой конструкции традициям, культуре, укладу жизни страны;

3) прогнозирование ситуации, связанной с интеграцией новой правовой конструкции в правовую систему страны-реципиента;

4) апробация вводимых правовых институтов в виде малых моделей с последующим анализом полученных результатов (научное и методическое сопровождение деятельности — мониторинг);

5) построение функциональных связей между действующими в стране и предполагаемыми к введению правовыми институтами (системный подход);

6) принятие решения на уровне власти, оформление нового института в законодательстве, иных нормативных актах (нормативная регламентация, использование приемов юридической техники);

7) переход на уровень социальной практики, сопровождающийся проведением исследований в отношении вводимого института в целях выявления «узких мест» и «слабых звеньев» в механизме его реализации;

8) трансляция нововведений с помощью системы юридического образования в среду правопримени-

телей (действующих и будущих — студентов вузов) и посредством СМИ — в общество;

9) корректировка законодательства, регламентирующего новый институт, приведение его в соответствие с потребностями развития страны адаптации;

10) формирование правоприменительной практики, связанной с реализацией нового института.

Заметим, что в предлагаемом *механизме адаптации* органично соединяются синхронный и диахронный методы сравнительно-правовых исследований, методы моделирования, формально-юридический и социологический. Таким образом, восприятие государствами зарубежного и международного правового опыта требует методологической определенности.